УДК 398 (470.621)
ББК 82.3 (2 Рос. Ады)
А 74

Анчек С.Х.
Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языка Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, e-mail: ancheksuret@mail.ru

Некоторые особенности языкового пространства собственно колыбельных песен адыгов

(Рецензирована)

Аннотация:
Рассматриваются императивные и повествовательные собственно колыбельные песни адыгов с целью выявления и описания особенностей их языка. Научную значимость представляют выявленные языковые формулы, сравнения, стилистические фигуры, обращения с благопожеланиями, повторы различного уровня языковой структуры, которыми насыщен язык повествовательных и императивных колыбельных песен. Выявленные величально-убаюкивающие языковые единицы и глаголы изъявительного и повелительного наклонений выполняют усыпляющую функцию. Делается вывод, что яркой синтаксической особенностью языка императивных колыбельных песен является амплификация, а повествовательных колыбельных песен – эпический вокатив. В основе исследования лежат жанрово-стилистические, текстологические и описательные методы. Теоретическая ценность усматривается в необходимости использования результатов исследования в спецкурсах по языкознанию, фольклору, а практическая ценность – в возможности их применения.

Ключевые слова:
Собственно колыбельные песни, императивные песни, повествовательные песни, обращения, повторы, сравнения, амплификация, языковые формулы, эпический вокатив.

Anchek S.Kh.
Candidate of Philology, Leading Researcher of Department of Language of the Adyghe Republican Research Institute of the Humanities named after T.M. Kerashev, e-mail: ancheksuret@mail.ru

Some features of language space of Adyghe lullabies

Abstract:
Imperative and narrative lullabies of the Adyghes are examined to identify and describe the features of their language. Of scientific importance are the revealed language formulas, comparisons, stylistic figures, addresses with wishful thinking, and repetitions of language structure of various levels which are abundant in language of narrative and imperative lullabies. Cheering-soothing language units and verbs of the indicative and imperative moods perform soporific function. It is concluded that striking syntactic feature of the language of imperative lullabies is amplification, while that of narrative lullabies is epic vocative. The genre-stylistic, textual and narrative methods are used as the cornerstone of research. Theo-

retical and practical value lies in the possibility of using the results of research in courses on linguistics and folklore.

Keywords:

Lullabies, imperative songs, narrative songs, addresses, repetitions, comparisons, amplification, language formulas, epic vocative.

Колыбельная песня – поэтическое творение народа, занимающее центральное место в обрядовой культуре адыгов. Р.Б. Унарокова и М.А. Шхабацева выделяют два типа колыбельных песен адыгов – это «импровизированные песни (*цэпэ орэдхэр*), состоящие из одной мелодии или отдельных, периодически повторяющихся междометийных выражений, и собственно колыбельные песни, имеющие многоплановый сюжет» [1: 142]. В данном исследовании мы остановимся на некоторых языковых особенностях собственно колыбельных песен адыгов.

У каждого народа колыбельные песни передают свою философию и свой взгляд на жизнь. Например, Н. Реброва пишет: «У сибирских народов через колыбельные передавались нравственные идеалы от одного поколения к другому. Согласно древним традициям татар, казахов, для каждого малыша создавалась своя колыбельная песня и всю жизнь служила ему оберегом, защищающим малыша от сглаза, проблем, бед, болезней. У ненецкого народа создавались песни как для мальчиков, так и для девочек со своим смыслом и особым руководством к действию. В колыбельной для девочки говорилось «будешь мне помощницей», а песня для мальчика содержала программу на будущее «ты хозяин и оленевод» [2].

Языковые особенности собственно колыбельных песен адыгов мы определяем, опираясь на классификацию М.А. Шхабацевой, которая делит их на две группы – «императивные и повествовательные» [3].

Язык императивной колыбельной песни, как правило, содержит обращения к самому ребенку и его родным с благопожеланиями. Например языковые особенности колыбельной песни «Кушъэ орэд»: *А бай, бай, байри, сикIал, / Ра байри зикIасэри, сикIалэ, / ЗикIасэр зимафэр, сикIалэ, / ЗимафэкIэ тхъэжьыныр, сикIалэ, / ЗинасыпкIэ чъыеныр, сикIалэ.* «А баю, баю, баюшки, мой сынок, / Ра баюшки любит, мой сынок, / Кто любит свой день, мой сынок, / В свой день кому весело, моему сыночку, / Кто счастливый спит, мой сынок».

В тексте песни наблюдаются запевный гласный *а* и запевное звукосочетание согласного и гласного *ра*. Также встречаются различные языковые формулы, выражающие: а) заклинание от сонной болезни: *чъые уз бзаджэмэ щакIухь* «злые болезни сна пусть обойдут»; б) благопожелание: *къихьэ-нахьэ пстэуми шIу уалъэгъу* «заходяще-выходящие пусть полюбят тебя»; в) проклятие: *шIу узымылъэгъурэр псым ехь* «пусть вода унесет того, кто не любит тебя».

Язык колыбельной песни насыщен фонетическими, лексическими и морфологическими повторами, которые усиливают выразительность текста. Многократный повтор способствует приходу сна. Амплификация, т.е. повторение отдельных слов или конструкций с целью усиления выразительности произведения, является своеобразной синтаксической особенностью языка рассматриваемой песни.

Основная функция императивной колыбельной песни – успокоение ребенка, побуждение его ко сну. Этому способствует спокойный, плавный ритм, однообразный мотив, сопровождаемый покачиванием люльки или самого ребенка. Усыпляющую функцию выполняют встречающиеся в песне величально-убаюкивающие языковые единицы типа *бай, байри, сикIал* «баю-баюшки, мой сынок», *бай-*

ри зикIасэри, сикIалэ «баюшки любящий, мой сынок»; глаголы изъявительного и повелительного наклонений: *байкIэ мэчъые* «убаюканный спит», *пстэуми шIу уалъэгъу* «пусть все тебя полюбят».

Персонажами императивных колыбельных песен часто становятся *чэтыур* «кошка», *хьэрзэ фыжь дахэр* «красивый белый лебедь», *къазхэр* «гуси», *баджэр* «лиса», *тыгъужъыр* «волк» и т.д. Например: *Мяу, мяур сикушъ, / Кушъэрыпкъэр зынапц, / Чэу цэпкъыр зигъогу, <…>* «Мяу, мяу моя колыбель, / Колыбельный обруч – чьи брови, / Верхушка забора – чья дорога, <…>» [4: 10]. В данной песне кот стал главным персонажем. Видимо, это связано с обрядом укладывания ребенка в люльку, который наблюдается у многих народов: *Кушъэм чэтыур щычъыягъ, / Чъые IэшIур къыринагъ, / Чъые IэшIур къыфэкIонэу / СэIошъы сикIалэ кушъэм хэсэпхэ.* «В люльке кот поспал, / Сладкий сон в ней оставил, / Сладкий сон чтоб к нему (к ней) пришел / Предрекая, своего ребенка в люльку укладываю» [5: 78-79].

Как отмечает М.И. Мижаев, «если у всех народов основными исполнителями колыбельных песен являлись женщины, у адыгов они создавались и исполнялись также и мужчинами-певцами, что было связано с древним обычаем аталычества» [6: 112]. Здесь речь идет, как мы полагаем, о повествовательных колыбельных песнях. Они в основном сочинялись по заказу. Как показало исследование, такого рода колыбельные песни выполняли функцию программирования действий ребенка, внушения ему нужных эмоций, настроя. Например вербальное пространство «Колыбельной песни, которой убаюкивали Бадыныко» (*«Бэдыныкъуэ зэрагъэжейуэ щыта гущэ уэрэд»*) из нартского эпоса, которая включает в себя 39 строк. Как отмечает Ф.М. Гучетль, «у адыгов наблюдается колыбельная песня, где около 100 строчек (ХъутIыжъ Хъанмелыч «Даутэ нэф»)» [7: 57].

Как известно из нартского эпоса адыгов, Шебатыныко были присущи только богатырские качества. Он был добрым, честным, справедливым, проявлял благородство, сострадание к нуждающимся и бедным людям, в то же время он – строгий, славный воитель, наводивший страх на своих многочисленных врагов: *Шыу щынагъор / Нат Щэбатынэкъу* «Наводящий страх всадник / Нарт Шебатыныко» [8: 52]. Шебатыныко с рождения программировали на совершение подвигов. Даже колыбельная песня, которой убаюкивали его, служила механизмом внушения ему, что он создан для совершения подвигов. Древние верили, что колыбельная песня – это не просто пение, а какое-то таинство, через которое ребенок поддерживает связь с окружающим миром. Поэтому в колыбельную песню для Шебатыныко включены эпические формулы: *нарт лIыхъу* «мужественный нарт», *нарт хахуэщ* «отважный нарт», *нарт фафIэ* «приметный нарт», *лIыгъэ ухуекIуэрэ* «проявляющий мужество», *лъапIэбэу щыIэри къегуэщ* «щедро раздающий все драгоценности» и т.д. В них дается характеристика героя в сопровождении с эпитетами, стилистическими фигурами в целях усиления характеристики эпического героя.

Песня насыщена языковыми формулами, воспевающими: отважность героя: *ДжатитI зэблэхъуурэ мэзауэ, / Зауэ щыхыхьэкIэ нарт хахуэщ* «Двумя мечами бьется поочередно, / В битве он нарт отважный» [8: 29]; щедрость героя: *Нартыжьу щыIэмэ щIоупшIэ, / ЛъапIэбэу щыIэри къегуэщ* «Со славными нартами ищет он дружбы, / Все драгоценные вещи щедро раздает» [8: 29]; богатырские качества героя: *Зауэм щахыхьэкIэ нарт фафIэщ, / Уздэбакъуэ дыщэ джатэ къыздэпхьщ, / Ущепсых жылэ бий бгъэубзэщ. / Уэ уи Лъостэныбзэри щIыбауэщ, / Хьэхьей макъхэри щэ дзыгъуэщ. / Дзэр зыущхьэкIури уи джатэщ, / Уи джатэ уэкIэри зыми памыщI* «Вступит в битву – приметный нарт, / Всегда при нем золотой меч, / Вражеское село, где сойдешь с коня,

покоряешь. / Врага поражает в спину твой Тлостанов лук, / Дальше тройного броска слышен твой крик «эгей!» / Твой меч целое войско крушит, / Удар твоего меча не сравним ни с чьим» [8: 30]; коня героя: *Уи хуарэ псыгъор жэщ уафэ хъуэпскIщ, / Уи дыжьын уанэр дыщэ гъэпскIащ* «Свою рыжую хуару за поводья ведешь, / На ней серебряное седло» [8: 30]; плетку героя: *Идыщэ шIопщыр егъаджэ, / Абы и джэ макъым дыщэ джэд долъатэ* «Золотая плетка рассекает воздух, / Свист ее вспугивает золотого фазана» [8: 30].

Наличие в песне формулы *Зи уз схьын и фэгъуи хэт щыIэ?* «Есть ли зиусхан, подобный ему?» [8: 29] является ярким свидетельством предохранительной функции колыбельной песни. Языковая формула *зи уз схьын* переводится дословно «чью болезнь я заберу» – элемент древнего обряда заклинания болезни.

Особенности языка песни проявляются на всех уровнях языковой структуры, но особо обращает на себя внимание эпический вокатив: *Нартурэ лIыхъу нэху, / Дыгъэ махуэ щIыжысIэ; / ФIыгъуэу жысIэри къылъыс!* «Светлый мужественный нарт, / Кого называем «солнечный день»; / О нем наше лучшее слово» [8: 29]. Эпический вокатив сопровождается сравнениями субъекта с объектом, придающими образность, меткость языку песни: *дыгъэ махуэ* «солнечный свет», *маисэкIэ чынтыдзэ пашэм уекIуалIэу* «налетаешь на предводителя войска чинтов, словно острый меч» [8: 30]. *И къэкIухьыкIэр лъэтагъэфэщ, / Шу миныр зыщIэмыхьэ* «Едешь – как будто летишь, / Тебя не догонят и тысяча всадников!» [8: 30] – здесь сравнение формально как бы отсутствует, что не снижает изобразительности сравнения.

Языковые формулы, содержащие пожелания любви и счастья ребенку завершают эпическую колыбельную песню: *Нэнэжьыр зэрахьэкIын, / Дэдэжьыр зыхуэхъуэхъуэн, / ЩIыхубэр зыгъэгуфIэн! – ЖьиIэу щихуэусэм* «Тебе, кому нана принесет себя в жертву, / Кому тата счастливым вырасти пожелает, / Кто многих людей осчастливит!» [8: 30].

В общем, колыбельная песня содержит программу на проявление мужества, но семантическим ядром является материнская любовь к ребенку, программирование на счастье. Мать Шебатыныко воспитывала сына хоть и в подземелье, но с большой любовью. Об этом свидетельствует то, что она на протяжении семи лет кормила его грудным молоком: *Апхуэдэрэ Бэдынокъуэ дунейм къытрамыгъаплъэу, теплъи щымыIэу япIащ. ИлъэсиблкIэ анэм и быдзыщэ ефащ* «Вот так Бадиноко воспитывался, не видя белого света, и его никто не видел. На протяжении семи лет мать кормила его грудным молоком» [8: 30].

Примечания:

1. Унарокова Р.Б., Шхабацева М.А. Объективизация идеального героя в колыбельных песнях адыгов. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусство. Майкоп, 2014. Вып. 3 (145). С. 138-142.
2. Реброва Н. Колыбельная песня. [Электронный ресурс]. URL: https://welemudr.mirtesen.ru/blog/43995911220/Kolyibelnaya-pesnya (дата обращения: 17.12.2016).
3. Шхабацева М.А. Колыбельные песни в контексте детского фольклора адыгов. [Электронный ресурс]. URL: http://nigniikp.adygnet.ru/index.php/vypuski-2016/vypusk-1-7-2016/27-stati-k-7-vypusku/88-shkhabatseva-m-a-kolybelnye-pesni-v-kontekste-detskogo-folklora-adygov (Дата обращения: 21.12.2016).
4. Тамбиева Д.М., Чеучева Т.Д., Чуяко А.Б. Тызэгъусэу тежъугъадж = Давайте, почитаем: хрестоматия для детских садов. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1994. 284 с.
5. Джандар М.А. Песня в семейных обрядах адыгов. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1991. 144 с.

6. Мижаев М.И. Детский песенный фольклор адыгов // Труды КЧР. 1973. Вып. VII. С. 111-115.
7. ГъукIэлI Ф. Кушъэ орэдхэм яусабз (зэгъэпшэн: адыгабзэр, урысыбзэр, нэмыцыбзэр) // Псалъ = Слово. Мыекъуапэ, 2010. № 6-7 (9-10). Н. 55-58.
8. Нарты. Адыгский эпос. Собрание текстов: в 7 т. Т. III. Майкоп, 1970. 354 с.

References:

1. Unarokova R.B., Shkhabatseva M.A. Objectification of the ideal hero in lullabies of the Adyghes // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2014. Iss. 3, (145). P. 138-142.
2. Rebrova N. A lullaby song. [Electronic resource]. URL: https://welemudr.mirtesen.ru/blog/43995911220/Kolyibelnaya-pesnya (date of access: 17.12.2016).
3. Shkhabatseva M.A. Lullabies in the context of children's folklore of the Adyghes. [Electronic resource]. URL: http://nigniikp.adygnet.ru/index.php/vypuski-2016/vypusk-1-7-2016/27-stati-k-7-vypusku/88-shkhabatseva-ma-kolybelnye-pesni-v- kontekste-detskogo-folklora-adygov (date of access: 21.12.2016).
4. Tambieva D.M., Cheucheva T.D., Chuyako A.B. Let's read: a reader for kindergartens. Maikop: Adyghe Rep. Publishing house, 1994. 284 pp.
5. Dzhandar M.A. A song in family ceremonies of the Adyghes. Maikop: Adyghe Publishing house, 1991. 144 pp.
6. Mizhaev M.I. Children's song folklore of the Adyghes // Proceedings of the KChR. 1973. Iss. VII. P. 111-115.
7. Guchetl F. Lullabies in the Adyghe, Russian and German languages // The Word. Maikop, 2010. No. 6-7 (9-10). P. 55-58.
8. The Narts. The Adyghe epic. Collection of texts: in 7 vol. Vol. III. Maikop, 1970. 354 pp.